

РАЗВОД. Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЙ ГОЛОС

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Павел Лимонов

Развод. Я больше не твой голос

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод. Я больше не твой голос / П. Лимонов — «Автор», 2026

На презентации компании мужа я услышала рекламу, которую никогда не записывала. Женщина в ролике говорила моим голосом — с моими паузами, дыханием и интонациями. А вечером Роман положил передо мной заявление о разводе, договор о продаже моей доли и бессрочную лицензию на цифровую копию моего голоса. Семнадцать лет я оставалась за кулисами: писала ему речи, исправляла ошибки и помогала создавать имя, которое знала вся отрасль. Теперь бывший муж хочет сохранить не только компанию и мои тексты, но и возможность вкладывать в мои уста любые слова. Я могу принять деньги и замолчать. Или рискнуть работой, домом и репутацией, чтобы впервые выйти к аудитории под собственным именем. Но старые договоры скрывают неудобную правду, а Максим — звукорежиссер, первым распознавший синтетическую подмену, — отказывается спасти меня ценой моей самостоятельности. Сумею ли я вернуть свой голос, если много лет добровольно отдавала его другому?

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Чужая фраза моим голосом	5
ГЛАВА 2. Условия тишины	10
ГЛАВА 3. След в записи	15
ГЛАВА 4. Черновики без имени	20
ГЛАВА 5. Обоюдное заявление	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Лимонов

Развод. Я больше не твой голос

ГЛАВА 1. Чужая фраза моим голосом

За семь минут до выхода Роман решил заменить последнюю фразу.

Он делал так всегда. Сначала соглашался со мной, что финал должен быть коротким, потом выходил к свету, видел полный зал и начинал щедро раздавать людям слова. В аппаратной уже шел обратный отсчет, на сцене ведущая перечисляла партнеров нового сезона, а Роман стоял перед зеркалом в узком проходе и читал с планшета:

— «Мы создаем будущее, в котором каждый человек будет услышан».

— Не будет, — сказала я. — Ты обещаешь человеку внимание, а продаешь компаниям аудиосервисы. Оставь согласованное: «Технология имеет смысл, пока помогает людям понимать друг друга».

Он посмотрел на меня через отражение.

— Слишком осторожно.

— Зато это можно произнести и не извиняться через месяц.

Роман усмехнулся. Так он обычно признавал, что я права, если рядом находились сотрудники. Благодарить меня вслух он умел только дома, где это ничего ему не стоило.

Я забрала планшет, вернула прежнюю строку и передала его Полине Черкасовой. Она отвечала за порядок выходов, хотя в должности все еще значилась младшим продюсером. Полина кивнула мне, проверила номер версии и отправила файл в аппаратную. На ее бейдже были имя, фамилия и должность. На слайде с командой, который уже появился на боковом мониторе, моего имени не было.

«Резонанс Медиа» представлял рекламодателям новый сезон в переоборудованном лофте возле Белорусской. Полтора часа назад я правила ударения приглашенному ведущему, снимала с Романа петличку, потому что она терлась о воротник, и переписывала переход между блоками. В программе меня обозначили как гостя. Я заметила это утром, но не стала спорить перед мероприятием. Было удобное старое объяснение: после запуска обсудим спокойно.

Роман протянул руку за планшетом.

— Лида, ты останешься на демо?

— Я для этого здесь.

— После демо будет разговор.

Он произнес это буднично, без той паузы, которой предупреждал о неприятном. Я решила, что речь пойдет о бюджете или о Борисе Ратникове. Последние две недели инвестор требовал сократить производство подкастов, Роман настаивал на расширении. Мы уже переживали подобные разговоры: сначала он объявлял решение, потом я превращала его в формулировку, с которой можно было выйти к команде.

Ведущая назвала его имя. Роман расправил манжету и вышел на сцену.

Я осталась у пульта. В наушнике режиссер попросил поднять заставку на полсекунды раньше. Полина шепотом уточнила, какой файл пойдет после третьего блока. Я ответила, не глядя в рабочий чат. Роман начал точно по тексту, но на втором абзаце добавил шутку про людей, которые разговаривают с навигатором вежливее, чем с близкими. Зал засмеялся. Шутку написала я в четыре утра для его прошлогодней лекции. Он помнил удачные места лучше, чем их происхождение.

Я знала, как он держит аудиторию. Не убеждала себя, что без моих текстов он был пустым человеком. Роман умел выходить к незнакомым людям без страха, ловил их внимание и не

терялся, если техника отказывала. Я умела сделать так, чтобы его уверенность имела смысл и длилась дольше первой минуты. Двенадцать лет нас устраивало это разделение. Точнее, двенадцать лет я называла его разделением.

На сцене сменился слайд. За спиной Романа появились слова «Голос без границ».

Я сняла наушник с одного уха.

Этого названия не было в утвержденной программе.

— Какой файл сейчас? — спросила я Полину.

Она быстро пролистала планшет.

— Пятый блок. Демо «Персона».

— У нас не было пятого блока.

Полина замерла на секунду, потом показала экран. Версия программы была загружена в половине шестого. Автор изменения — маркетинговый отдел. Доступ к папке у меня исчезал с начала презентации, и я решила, что сервер снова не справляется с гостевой сетью.

Роман тем временем говорил о персональных аудиомоделях для брендов. Он не смотрел в мою сторону. В первом ряду сидел Ратников, рядом с ним — Кристина Белецкая, директор по маркетингу. Кристина держала телефон горизонтально и снимала сцену. На ней был темно-синий костюм, который я уже видела неделю назад в кабинете Романа. Тогда пиджак висел на спинке кресла. Я спросила, кто оставил вещи. Роман ответил, что после позднего совещания кабинет превратили в гардероб.

Я вспомнила это сейчас не потому, что вдруг поняла все. Просто перестала отодвигать очевидный вопрос.

— Мы научились сохранять узнаваемую подачу и создавать новые сообщения без повторной записи, — сказал Роман. — Покажу на примере голоса, которому доверяют наши клиенты.

В зале погас боковой свет.

Сначала прозвучала короткая музыкальная отбивка, затем женщина сказала:

— Когда решение нужно принять сегодня, вы выбираете сервис «Фортис». Проверенные данные, ясные условия, уверенный результат.

Я не сразу поняла, почему пропустила вдох.

Запись была чистой, собранной для большого помещения: чуть больше низких частот, чуть меньше близости, чем я оставляла в рекламе для наушников. Женщина делала смысловую паузу перед названием и не повышала голос на слове «сегодня». Так читала я. Даже короткий вдох после первой фразы был мой — из курса «Говорить ясно», где я записывала по шесть часов три дня подряд.

Но текст о сервисе «Фортис» я никогда не произносила.

На последнем слове синтетическая версия слишком аккуратно закрыла согласную. Живой человек после длинной фразы оставил бы ей меньше воздуха. Я услышала дефект, как монтажный стык в знакомой записи, и от этого стало проще: появился факт, с которым можно было работать.

— Остановите файл, — сказала я в переговорный микрофон.

Режиссер обернулся.

— Что?

— Остановите демонстрацию.

— У меня команда от Романа.

— Голос в ролике мой. Я не давала согласия на этот текст.

Режиссер снял наушники и посмотрел на Полину. Она уже искала кого-то в рабочем чате. На сцене запись продолжалась: моя интонация обещала надежность сервиса, о котором я впервые услышала минуту назад.

Я сама нажала кнопку отключения программного канала.

Музыка оборвалась. Несколько человек в зале подняли головы. Роман выдержал паузу, будто так и было задумано.

— Живые технологии иногда напоминают, что премьеры не бывают без сюрпризов, — сказал он. — Мы вернемся к продукту после технической настройки.

Он передал слово ведущей и спустился со сцены под аплодисменты. До аппаратной дошел быстро, но не побежал. Кристина появилась за ним.

— В переговорную, — сказал Роман.

— Сначала уберите файл из программы.

— Его уже убрали.

Я посмотрела на режиссера. Тот кивнул и показал пустую очередь воспроизведения.

— Из общей папки тоже, — добавила я.

— Это обсудим без публики.

Кристина попросила Полину вернуть заставку и предупредить ведущую о перестановке блоков. Ни одного лишнего вопроса. Значит, она знала, что должно было прозвучать.

Переговорная находилась за сценой. Сквозь стеклянную стену были видны люди с бокалами и телефоны, поднятые в сторону логотипа. Роман опустил жалюзи. Кристина осталась у двери.

— Я хочу знать, из каких записей это собрано, кто подрядчик и на каком основании вы использовали материал, — сказала я.

— Подрядчик «ВоксЛаб». Основание есть в договорах по курсу и в твоём согласии на использование записей в материалах проекта.

— Материалы курса — это выпуски курса. Я отказалась записывать набор для цифровой модели.

— Ты отказалась от отдельной сессии. Архив уже позволял получить нужное качество.

Я посмотрела на Кристину.

— Вы знали об отказе?

— Я получила юридическое подтверждение, что права оформлены, — ответила она. — В производственную историю меня не посвящали.

Фраза была составлена так, чтобы в ней не осталось ни одного имени. Я много раз помогала Роману делать то же самое.

— Запуск надо отменить, — сказала я.

— Запуск через шесть недель, — ответил он. — Сегодня был закрытый тест для партнеров.

— В зале полторы сотни человек, половина снимает видео.

— Поэтому не надо устраивать второй публичный эпизод.

Роман сел во главе короткого стола и раскрыл лежавшую там серую папку. Видимо, ее приготовили заранее. Он положил передо мной четыре документа, разделенные цветными закладками.

Первый назывался совместным заявлением о расторжении брака.

Я прочитала заголовок дважды. Потом проверила дату. Седьмое сентября.

— Дальше, — сказал Роман.

— Ты решил развестись сегодня?

— Я решил раньше. Сегодня предлагаю оформить нормально.

Следующим был проект договора о продаже моей доли в «Резонанс Медиа». За двадцать процентов компании мне предлагали сумму, которая едва покрывала два моих прошлых годовых дохода. Даже без независимой оценки я понимала, что расчет не имеет отношения к стоимости бизнеса.

Третий документ запрещал раскрывать условия сделок, внутренние сведения компании и обстоятельства прекращения брака. Четвертый предоставлял «Резонанс Медиа» бессрочное

право использовать записи моего исполнения, создавать на их основе новые аудиоматериалы, изменять темп, интонацию и текст, передавать права партнерам на территории всего мира.

Внизу уже стояло напечатанное имя: Лидия Аркадьевна Корсакова.

Я дошла до пункта о вознаграждении. Оно входило в цену доли и отдельно не определялось.

— Ты собрал развод, компанию и мою работу в один пакет.

— Потому что они связаны. Мы можем месяцами спорить по каждому вопросу или закрыть все сейчас.

— Сколько времени «ВоксЛаб» работает с моими записями?

— Об этом есть приложение.

— Я спросила сколько.

Кристина перевела взгляд на Романа. Он ответил:

— Техническая подготовка началась весной.

— И тогда же ты решил развестись?

— Лида, не смешивай.

— Это ты принес четыре документа в одной папке.

Он откинулся на спинку стула. Под светом переговорной лицо казалось уставшим, и на мгновение я увидела человека, с которым прожила семнадцать лет, а не руководителя, ожидающего подписи. Эта узнаваемость ничего не исправляла.

— У меня отношения с Кристиной, — сказал он. — Восемь месяцев. Я не собирался унижать тебя обсуждением подробностей.

Кристина не отвела глаза.

Восемь месяцев. Я могла бы сразу найти в памяти поездки, поздние совещания и тот синий пиджак. Вместо этого заметила ошибку в третьем абзаце соглашения: мою фамилию один раз написали через дефис, которого никогда не было.

— Исправьте паспортные данные, — сказала я. — И передайте моему представителю редактируемые копии.

Роман нахмурился.

— Какому представителю?

— Я найду.

— Ты можешь забрать документы и прочитать дома. Ничего сложного здесь нет.

— Тогда тем более подождете.

Он положил ладонь на папку раньше, чем я успела ее закрыть.

— Условия действуют до понедельника. После этого запуск пойдет по утвержденному плану, а цена доли изменится с учетом твоего выхода из операционной работы.

— Я не выходила.

— Ты остановила презентацию компании перед инвестором.

— Я остановила использование записи, на которое не соглашалась.

— Именно поэтому нам нужен документ. Он даст всем ясность и обеспечит тебе спокойный расчет.

Я много лет убирала из его речей выражение «всем будет лучше». Оно скрывало человека, который платил за это лучше. Сейчас Роман выбрал более деловую версию той же мысли.

Я освободила папку из-под его руки, сфотографировала перечень приложений и убрала свой экземпляр в сумку.

— Я не подпишу это сегодня.

— Тогда не принимай решений в состоянии шока. Останься до конца, мы поедем домой и поговорим.

— Домой я поеду одна.

Я сняла бейдж гостя и положила на стол. Кристина отступила от двери.

В аппаратной я предупредила режиссера, что прекращаю работу на мероприятии, и попросила письменно подтвердить время отключения деморолика. Он отказался что-либо подписывать без руководства, но записал мой запрос. Полина стояла рядом и смотрела на меня так, будто хотела что-то сказать. Кристина уже звала ее к сцене.

— Сохраните журнал версий программы, — сказала я.

— Лидия Аркадьевна, я...

— Просто ничего не удаляйте без письменного распоряжения.

Это было все, что я имела право у нее требовать.

На улице шел мелкий сентябрьский дождь. Такси подъехало к соседнему зданию, и я прошла вдоль парковки, сверяясь с номером машины. Телефон непрерывно показывал уведомления из рабочего чата. Коллеги поздравляли Романа с выступлением, делились фотографиями, спрашивали, вернется ли демо после перерыва. Я выключила уведомления.

В сумке лежали условия развода, цена двенадцати лет моей работы и разрешение говорить моим исполнением любые слова после того, как я перестану быть женой Романа.

Я села в машину, назвала домашний адрес и только тогда увидела сообщение от Максима Руднева. Мы не переписывались почти год. Он записывал со мной несколько рекламных проектов и однажды отказался «почистить» дубль так, чтобы клиент получил обещание, которого в исходном тексте не было.

Сообщение пришло пять минут назад.

«Ты записывала сегодняшнюю демоверсию?»

Я перечитала вопрос и ответила:

«Нет. Но это мой голос».

ГЛАВА 2. Условия тишины

Утром я начала с описи.

Это было проще, чем отвечать на вопрос, спала ли я вообще. Я поставила на кухонный стол ноутбук, открыла пустой файл и разделила имущество на три колонки: личное, совместное, рабочее. Через двадцать минут выяснилось, что такая точность годится только для успокоения. Паспорт был личным. Квартира — совместной. Диктофон я купила со своей карты, но использовала на встречах «Резонанс Медиа». Домашняя кабина стояла в комнате, которую мы называли моей, хотя ремонт и оборудование оплачивались со счета компании.

Я удалила колонку «понятно» и добавила «нужно проверить».

Серую папку Романа я положила отдельно. Ночью я прочитала ее дважды, не делая пометок на самих документах. Цена доли не сопровождалась расчетом. В соглашении о конфиденциальности понятие внутренней информации включало почти все, что происходило в компании с момента ее создания. Лицензия позволяла создавать новые рекламные сообщения без моего предварительного одобрения. Даже право отозвать явно ошибочную или опасную запись не предусматривалось.

Я вошла в корпоративную почту. Доступ работал, но часть папок не открывалась. Скачивать все подряд я не стала. Сохранила только свои трудовой договор, выписки о начислениях, документы о доле и несколько писем, где обсуждались мои полномочия. Возле каждого файла записала адрес отправителя и дату. Когда дело касается семьи, очень легко решить, что тебе принадлежит все знакомое. Когда дело касается компании, знакомство не заменяет право доступа.

Максиму я ночью больше не отвечала. Утром он прислал адрес студии и одну фразу: «Если захочешь проверить запись, приходи с сохраненной ссылкой, исходники не пересылай в мессенджер». Я договорилась с ним на следующий день.

В половине десятого открылась входная дверь.

Роман вошел в квартиру с костюмом на плече и дорожной сумкой. Галстук был свернут в кармане пиджака. Раньше после больших мероприятий он возвращался поздно, будил меня, рассказывал, кто смеялся в нужном месте и сколько партнеров подошли после сцены. В эту ночь он, видимо, ночевал не здесь. Я не спросила где.

— Мне надо переодеться перед съемкой, — сказал он.

— В своей квартире можно не объяснять причину прихода.

Он посмотрел на таблицу в ноутбуке.

— Уже делишь ложки?

— Пока отделяю документы от вещей.

— Я не собираюсь оставлять тебя без денег.

— Вчера ты предложил выкупить мою долю без оценки.

— Оценка бизнеса зависит от того, кто остается в операционной команде. Ты ушла с запуска, и это заметили.

— Я ушла после того, как ты использовал мою запись без предупреждения и сообщил о разводе.

— Мы оба знаем, что брак закончился раньше вчерашнего вечера.

Я закрыла ноутбук. Не потому, что там были тайны, а потому, что он говорил со мной стоя, уже готовый уйти, и тем самым задавал разговору продолжительность.

— Когда именно он закончился для тебя?

Роман поставил сумку у стены.

— Это сейчас ничего не меняет.

— Меняет ответ на вопрос, как долго ты готовил пакет за моей спиной.

— Компания готовила продукт. Юристы готовили оформление. Решение о разводе не было частью производственного плана.

— Зато стало условием лицензии.

— Лицензия — условие спокойного расчета. Ты получаешь деньги, сохраняешь профессиональное имя, мы не обсуждаем личное публично. Никому не нужен скандал.

— Мне нужна возможность решать, какие слова произносятся моим исполнением.

— Тогда согласуй перечень ограничений. Я готов обсуждать отрасли, политическую рекламу, медицинские продукты. Но полный запрет убивает модель.

Он говорил так, словно мы обсуждали объем правок в коммерческом предложении. В этом была его сильная сторона: любой конфликт он переводил в параметры сделки. Раньше я ценила ее. Рядом с человеком, который не боится называть цену, проще не называть собственную.

— До разговора с юристом я ничего не согласую.

— Ты уже нашла юриста?

— Встречаюсь сегодня.

— Кого?

— Это не рабочее совещание, Роман.

Он впервые за утро повысил голос, совсем немного:

— Не делай из меня противника. Мы прожили семнадцать лет.

— Поэтому вчера стоило сначала сказать о разводе, а потом включать демо.

Роман промолчал. Потом взял сумку и ушел в спальню. Пока он переодевался, я услышала, как открылись дверцы шкафа, затем вода в ванной. Обычные звуки утра продолжались без участия привычки, которая раньше объясняла их за меня.

Он вышел в серой рубашке, уже разговаривая по телефону. У двери остановил звонок ладонью.

— До понедельника предложение действует в полном объеме. Потом будем считать отдельно.

— Отдельно и надо считать.

— Юристы заработают больше, а результат будет тем же.

— Это мы тоже проверим отдельно.

После его ухода я внесла в таблицу еще одну строку: дата фактического прекращения общего хозяйства — уточнить. Затем позвонила Дарье Наумовой.

Дарья была моим агентом шесть лет и никогда не начинала разговор со слов сочувствия.

— Два бренда спрашивают, имеешь ли ты право записываться без согласования с «Резонансом», — сказала она. — Я ответила, что ты самостоятельный исполнитель. Подтверди, что не ошиблась.

— Не ошиблась. Но договоры все равно пришли мне.

— Хорошо. Еще пять редакций хотят комментарий про развод. Одна предлагает эксклюзив и фотографа сегодня.

— Никаких комментариев.

— Тогда дай одну строку, которую я могу повторять.

Я открыла рот и поняла, что готова сказать гораздо больше одной строки. Про восемь месяцев. Про пиджак Кристины. Про запись, которую никто не просил меня читать. Все это было правдой, но не все я могла доказать, а часть не имела отношения к работе.

— Лидия Корсакова не подписывала предложенные соглашения и изучает документы с юристом.

— Сухо.

— Поэтому строка переживет сегодняшний день.

— Хорошо. И еще: проверь остаток на счете. Если компания перекроет входящие заказы, романтическое достоинство аренду не оплатит.

Я проверила. На двух счетах и вкладе было один миллион четыреста пятьдесят тысяч рублей. До недавнего времени я зарабатывала больше двухсот тысяч в месяц, но в последнем квартале личные заказы проходили через компанию, а мой доход снизился почти вдвое. Я не считала это зависимостью. Мы просто выстраивали единый отдел продаж.

Теперь единый отдел продаж спрашивал клиентов, имеет ли право работать его бывший креативный директор.

Я составила простой бюджет на полгода. Аренду пока поставила девяносто пять тысяч, коммунальные расходы — десять, еду и транспорт — сорок, юристов вынесла в отдельную строку без попытки угадать итог. Если новые заказы не появятся, накоплений хватало меньше чем на год. При продаже доли можно было дышать свободнее, но именно поэтому цену нельзя было принимать в первый день. Я отправила таблицу себе на личную почту и впервые увидела развод не как разговор о прошлом, а как срок, в течение которого обязана построить доход без компании.

Офис Юлии Ордынцевой находился в тихом переулке возле Сретенки. Ни кожаных диванов, ни тяжелых шкафов с кодексами там не было. Стеклопанельная перегородка, два стола, перегородная на четверых. Юлия пришла точно к назначенному времени, предложила воду и попросила документ, с которого я хотела начать.

Я положила перед ней всю папку.

— Начните вы.

— Тогда первый вопрос: вы хотите сохранить брак?

— Нет.

Ответ прозвучал раньше, чем я успела подготовить его. Юлия записала.

— Второй: есть несовершеннолетние дети?

— Нет. Детей у нас нет, это было общее решение.

— Третий: вы согласны на расторжение брака по совместному заявлению?

— Да. Но я не согласна на остальные условия.

— Значит, не будем позволять второй, третий и четвертый документам притворяться частью первого.

Она разложила листы по столу. Заявление о разводе оказалось слева, продажа доли — перед ней, соглашение о конфиденциальности и лицензия — справа.

— Это четыре разных вопроса, — сказала Юлия. — Брак можно прекратить по взаимному согласию. Имущество и доля требуют документов и оценки. Права на тексты, записи и последующую переработку надо разбирать по каждому основанию. Общий семейный конфликт не превращает одну сторону автоматически в правообладателя всего.

— Он сделал новую рекламу моим голосом.

— Пока говорим: была продемонстрирована запись, которую вы не исполняли как этот текст. Слово «украл» оставим журналистам и тем, кто не отвечает за формулировки.

— Я не давала согласия на модель.

— Это предстоит подтвердить и сопоставить с тем, что вы давали раньше. Какие договоры есть?

Я перечислила трудовой договор, договоры на рекламу, курс «Говорить ясно», согласия на размещение промоматериалов. На третьем пункте сбилась в датах. Юлия остановила меня.

— Не восстанавливайте по памяти там, где можно найти бумагу. Вы были работником компании?

— Да, креативным директором. И одновременно записывалась по отдельным договорам как исполнитель.

— Тексты Романа?

— Большую часть писала я.

— В рабочее время?

— Иногда. Часто дома. Некоторые задания приходили от компании, некоторые — лично от него.

— Платили отдельно?

— Не всегда.

— В титрах указывали?

— Почти никогда.

Юлия не выразила возмущения. Она записала названия трех известных выступлений и спросила, сохранились ли ранние версии. Я ответила, что часть лежит на моем личном диске, часть в корпоративном архиве.

— Ничего из закрытого архива сейчас не выносите. Соберите то, к чему у вас законный доступ, и фиксируйте происхождение. Далее направим запрос как участник общества и отдельно по вашим договорам.

Она дошла до цены моей доли.

— Откуда эта цифра?

— Не знаю.

— Финансовую отчетность за последний год видели?

— Сводные отчеты. Роман занимался инвестором, я производством.

— Ваша доля зарегистрирована?

— Двадцать процентов. Здесь выписка.

— Хорошо. Продать ее без вашего решения нельзя. Исключить вас из общества одним письмом тоже. Операционную должность и долю не смешиваем.

Я поймала себя на том, что впервые за сутки нормально вдохнула. Юлия тут же добавила:

— Это не обещание удобного выхода. Участник с двадцатью процентами может долго спорить с владельцем контрольной доли. Нам нужна оценка и понимание ограничений по уставу.

Она назвала стоимость первичного анализа, отдельную оплату нотариальной фиксации и возможную вилку расходов, если начнется судебный спор. Я пересчитала сумму в месяцах аренды, которую, вероятно, скоро придется платить, и перевела аванс с личного счета.

— Почему он торопится до понедельника? — спросила я.

— Это вопрос к фактам. Возможно, есть встреча с инвестором, обязательство перед рекламодателем или очередной этап оплаты подрядчику. В пакете указано приложение о запуске, но самого приложения нет.

— Через шесть недель.

— Тогда сегодня фиксируем то, что уже показали. У вас есть ссылка?

Я открыла сообщения. Один из гостей выложил короткое видео презентации. В кадре был Роман, на записи отчетливо звучала синтетическая реклама. Подпись обещала «революцию персональных голосов».

Юлия не стала скачивать файл сама. Позвонила нотариусу, уточнила порядок осмотра страницы и договорилась о времени. Потом попросила меня составить перечень всех старых договоров, писем и записей, которые могли использоваться для обучения модели.

— Публиковать видео пока не надо, — сказала она. — И не пишите подрядчику напрямую. Пусть обращения идут письменно и с понятным предметом.

— А Роману?

— Можно сообщить, что заявление о разводе вы готовы подать отдельно. Остальные предложения рассматривает представитель. Никаких объяснений, почему вам больно. У юридической переписки другая задача.

На улице я набрала Роману именно это. Несколько минут смотрела на экран, затем убрала последнюю фразу: «Надеюсь, хотя бы сейчас ты поступишь честно». Она ничего не требовала и оставляла ему право решить, что считать честностью.

Я отправила короткую версию.

Ответ пришел почти сразу: «Жаль, что ты выбрала конфликт».

Я не стала исправлять эту формулировку.

Вечером дома я достала коробку со старыми договорами. Мы хранили ее на верхней полке общего шкафа вместе с гарантиями на технику и документами на квартиру. Первые рекламные соглашения были простыми: срок, территория, конкретный ролик. Поздние приложения становились шире. В одном разрешалось использовать фрагменты записи для продвижения курса. В другом — перерабатывать материал в технических целях.

Некоторые страницы я видела впервые после подписи.

Тогда менеджер приносил их между дублями, Роман говорил, что юристы все проверили, а я смотрела только сумму и срок оплаты. Я не была человеком, который не понимал значение слов. Я была человеком, который решил не применять это понимание к собственной семье.

Я внесла в таблицу дату первого договора и открыла следующий.

ГЛАВА 3. След в записи

Студия «Чистый тон» занимала первый этаж бывшего конструкторского бюро возле Семеновской. На проходной у меня проверили паспорт, выдали пластиковую карту и попросили не снимать в коридорах. Это мне понравилось. Места, где хорошо работают со звуком, редко нуждаются в показной таинственности.

Максим встретил меня у второй двери. За год он почти не изменился: коротко стриженные темные волосы с сединой у висков, очки в тонкой оправе, рубашка с закатанными рукавами. Только вместо приветствия сразу спросил:

— Ссылка зафиксирована?

— Вчера нотариус осмотрел страницу. У меня есть протокол и копия файла.

— Хорошо. Проходи.

— Здравствуй, Максим.

Он остановился.

— Здравствуй. Прости. Я с утра разговариваю с юристом и пока не умею переключаться.

Это было больше похоже на него, чем приветственная улыбка, которую он попытался добавить после.

Аппаратная оказалась небольшой: два монитора, акустические панели, пульт, четыре одинаковых стула. Через стекло была видна кабина. Максим предложил воду, подождал, пока я достану ноутбук, и только потом открыл аудиофайл.

— Сначала послушаем без обработки, — сказал он. — Потом сравним с твоими подлинными записями. У тебя есть контрольный материал?

Я принесла три ролика: банковскую рекламу двухлетней давности, фрагмент аудиогида и урок из курса «Говорить ясно». Все договоры к ним были у меня. Максим скопировал файлы в отдельную папку, вписал источник каждого и включил демоверсию.

Слова про «Фортис» прозвучали уже без сцены, аплодисментов и лица Романа. Вчера я слышала прежде всего узнаваемость. Теперь различила сборку. В середине слова «проверенные» гласная держалась чуть дольше, чем позволяла следующая согласная. Перед «ясными условиями» повторялся один и тот же короткий вдох.

Максим поставил метки на дорожке.

— Это синтез? — спросила я.

— По набору признаков — с высокой вероятностью. Но я не дам заключение после одного прослушивания.

— Какие признаки?

Он увеличил изображение звуковой волны.

— Посмотри на эти два вдоха. По длительности и рисунку они практически совпадают. Живой человек может повторить темп, но два естественных вдоха не будут так одинаковы. Здесь переход между фонемами слишком ровный. А здесь меняется акустический фон внутри слова: начало похоже на ближнюю запись в вашей старой кабине, окончание — на материал после другой обработки.

— Значит, использовали курс.

— Значит, могли использовать несколько записей из разных сессий. Название конкретного источника из результата не извлечешь.

Он включил мой урок. Я объясняла слушателям, как переносить смысловое ударение и не подчеркивать каждое важное слово. Максим нашел фразу с похожим вдохом, совместил два участка и дал мне послушать сначала отдельно, затем подряд. Сходство было почти точным.

— Вот он, — сказала я.

— Похож. Для рабочей гипотезы достаточно. Для вывода об обучающем массиве — нет.

- Ты всегда сообщаем плохую часть ответа раньше хорошей?
- Обычно люди слышат только хорошую, если начать с нее.
- Я не клиент, которому надо продать осторожность.
- Именно поэтому я ничего тебе не продаю.

Он снял очки, протер стекла краем специальной салфетки и снова надел. Я помнила, как он работал на наших записях: не спорил о трактовке, если у него не было редакторских полномочий, но останавливал сессию из-за едва слышного треска, который остальные считали допустимым. Тогда эта точность казалась удобной. Теперь она мешала получить ответ, за которым я приехала.

- Вчера ты спросил, записывала ли я демо, — сказала я. — Почему?

Максим закрыл окно сравнения, оставив дорожки на экране.

— В июле к нам пришел запрос от «ВоксЛаб». Они искали студию для очистки тестовых материалов перед сборкой модели.

- Моих материалов?

— В запросе не было фамилии. Был короткий обезличенный фрагмент. Я узнал подачу, но мог ошибиться.

- И что вы сделали?

— Запросили подтверждение прав на исходники и согласие исполнителя. Получили ответ, что все разрешения оформлены у заказчика. Документы показать отказались. Мы не взяли работу.

- Но файл у тебя остался.

— Входящий запрос хранится по правилам студии. Я не могу отдать его тебе или включить без проверки обязательств перед отправителем.

— Они использовали мое исполнение, ты это узнал, но решил, что достаточно отказаться от заказа?

- Я не знал, что у тебя нет согласия. После вчерашней презентации спросил прямо.

- И теперь знаешь.

— Теперь знаю, что ты говоришь об отсутствии отдельного согласия. Я не видел твоих договоров и не знаю, какие права были у заказчика.

Я встала и прошла до стекла. В пустой кабине на стойке висели наушники. За последние сутки каждый человек предлагал мне различать то, что я хотела соединить: запись и модель, работу и брак, правоту и доказательство. Различия были разумными. От этого они раздражали сильнее.

— Роман показал ролик, подготовил развод и лицензию в один вечер, — сказала я. — У подрядчика был файл еще в июле. Что именно тебе надо, чтобы назвать происходящее своим именем?

— Имя происходящему даст юрист. Я могу описать технические признаки, цепочку получения запроса и пределы того, что знаю.

- Очень удобно.

— Нет. Удобно было бы прислать тебе входящий файл, получить благодарность и через неделю выяснить, что доказательство добыто с нарушением договора. Тогда мой поступок выглядел бы смелым примерно до первого официального запроса.

Я повернулась к нему.

Он не говорил мягко, но и не защищался. Просто называл последствия. У Романа последствия всегда относились к чужому отказу. У Максима — к собственному действию.

- Что ты предлагаешь?

— Твой адвокат направляет студии запрос: был ли такой проект, когда, что мы получили, почему отказались. Я передаю его нашему юристу. Мы отвечаем в допустимом объеме. Парал-

лельно ты заказываешь исследование у человека, который не связан ни с «ВоксЛаб», ни со мной.

— Почему не у тебя?

— Потому что я потенциальный свидетель получения тестового материала. И потому что мы давно знакомы. Если спор выйдет в суд или публичное поле, независимость будет оспаривать первый же грамотный представитель компании.

— Ты заранее снимаешь себя с работы?

— Я заранее не обещаю роль, в которой могу повредить.

Он открыл на втором мониторе список специалистов и показал три фамилии. Напротив каждой были опыт, организация и известные ему пересечения с рынком. У одной компании когда-то был общий подрядчик с «Резонансом». Второй эксперт работал преимущественно по телефонным записям. Третья, Елена Сафронова, занималась акустическим анализом и синтезированной речью, но могла взять материалы только через неделю.

— Что ей понадобится кроме ролика? — спросила я.

— Контрольные файлы, происхождение которых можно подтвердить. Лучше записи разных лет и жанров, до и после курса. Договоры или акты, где есть даты. Если сохранились необработанные дубли, отдельно.

— У меня дома несколько сессий.

— Не отбирай только самые похожие. Эксперт должен видеть нормальный набор, иначе вам справедливо скажут, что сравнение собрано под вывод.

Я записала перечень. Максим предложил шаблон описи, которым студия пользовалась при передаче исходников: имя файла, носитель, дата получения, кто копировал. Я ожидала разговора о частотах, а получила инструкцию, как не испортить материал до исследования.

— Можно записать новый контрольный текст?

— Можно, но условия будут другими: возраст записи, микрофон, помещение. Новый образец полезен для общих особенностей, старые нужны для прямого сравнения. И текст должен выбрать специалист, а не ты.

— Потому что я подберу удобные звуки?

— Даже если неосознанно. Ты лучше большинства понимаешь, какие сочетания проявят сходство.

Эта оговорка не льстила моему профессионализму. Она превращала его в источник возможного искажения, который тоже требовалось контролировать.

— Я проверю ее с Юлией, — сказала я.

— Правильно.

— Это не похвала, Максим.

— Я и не пытался тебя хвалить.

Он вернул запись к началу.

— Есть еще одно. Слушай окончание «результат».

Я села. На последнем согласном слышался очень короткий металлический призыв.

— Ошибка модели?

— Скорее ошибка постобработки. Если исходный файл «ВоксЛаб» сохранился без нее, можно будет сравнить. Но снова: это подтвердит родство версий, а не состав всей базы.

— Ты говорил, что отказался от работы. Почему тогда знаешь про очистку?

— Потому что технический бриф был подробным. Слишком подробным для запроса, к которому не приложили документы о правах.

— Что в нем было?

Максим посмотрел на экран, затем на меня.

— Сейчас я могу пересказать только цель: удалить шум и привести фрагменты к общей акустике. Остальное сначала посмотрит юрист.

— Там было имя?

— Нет.

— Названия файлов?

Он выдержал паузу.

— Лидия, я не буду угадывать границу NDA вслух. Это не попытка оставить тебя без информации. Это попытка передать ее так, чтобы она сохранила значение.

Я записала вопрос в блокнот. Рука дрогнула на последней букве, и вместо «файлов» получилось «файлоа». Я перечеркнула слово одной линией. Злость не улучшала точность, просто убеждала, что скорость важнее.

— Хорошо. Через адвоката.

Максим кивнул и составил для меня краткое описание сегодняшнего просмотра: какие записи мы слушали, откуда они получены, какие наблюдения сделаны без экспертного статуса. В каждом абзаце стояло «может указывать», «требуется исследования», «не позволяет установить». Я хотела заменить эти выражения более уверенными. Не стала.

Пока он печатал, в аппаратную заглянул высокий мужчина в черной футболке.

— Максим, «Северный банк» просит смету до двух. Кто в третьей?

— Лидия Корсакова. Лида, это Семен Лапин, мой партнер.

Семен посмотрел на дорожку с названием деморолика.

— Та самая презентация?

— Да, — ответил Максим.

— Тогда после встречи зайди ко мне.

Он не добавил ничего при мне, но смысл был понятен: мой вопрос уже занял место среди рисков студии.

— Я могу оплатить время, — сказала я, когда дверь закрылась.

— Счет выставим за технический просмотр. Обычная ставка.

— Я не просила скидку.

— И я ее не предлагал. Просто уточнил, чтобы потом не возникло разных версий.

Я посмотрела на него внимательнее. В прошлых проектах он тоже проговаривал условия, которые большинство людей считало понятными без слов. Наверное, именно поэтому рядом с Романом он всегда казался мне излишне медленным. Роман быстро создавал общее понимание, а детали мы догоняли после.

Максим распечатал протокол просмотра, подписал свой экземпляр и передал второй мне.

— Если Сафронова подтвердит синтез, этого хватит, чтобы остановить запуск? — спросила я.

— Не знаю. Технически она может ответить, является ли запись результатом синтеза, насколько она сходна с твоими образцами, есть ли следы сборки. Право использования определяют не спектры.

— А если журналы «ВоксЛаб» покажут файлы курса?

— Тогда будет сильнее. Но получить журналы — не моя часть работы.

Я убрала документы в сумку.

— Спасибо за плохое доказательство.

— Плохим оно станет, если потребовать от него лишнего.

У выхода он помог мне с гостевой картой, которая застряла в турникете. Не коснулся моей руки, не предложил отвезти и не спросил, как я пережила ночь. Мне это одновременно облегчило и испортило настроение.

На улице я отправила Юлии краткий отчет и контакты Сафроновой. Потом позвонила Дарье.

— Я нашла независимого специалиста, — сказала я. — Пока можно отвечать клиентам, что мои новые записи не связаны с моделью «Резонанса».

Дарья молчала дольше обычного.

— Можно отвечать что угодно, — сказала она наконец. — Два клиента поставили работу на паузу. Их юристы хотят понять, кому принадлежат права на твоё исполнение и не получают ли они претензию от компании Романа.

— У них отдельные договоры со мной.

— Я знаю. Они пока выбирают не договор, а отсутствие риска.

Один проект должен был принести сто восемьдесят тысяч, второй — девяносто пять. Дарья назвала даты, когда они обещали вернуться с решением, и сумму уже сделанной подготовки, которую никто не оплатит, если записи отменят.

Я остановилась у входа в метро и записала цифры. Вчера спор существовал на сцене, сегодня он появился в моем календаре доходов.

— Не уговаривай их, — сказала я. — Отправь договоры и дай срок до пятницы. Потом будем искать замену заказам.

— Уже ищу.

Я убрала телефон. На встречу с Максимом я ехала за подтверждением, что услышанное принадлежит мне. Уезжала с более узким знанием: запись была синтезирована, но источник ещё предстояло доказать. Этого не хватало для громкого заявления.

Зато хватало, чтобы продолжать.

ГЛАВА 4. Черновики без имени

Первую речь для Романа я нашла в папке «Разное».

Файл назывался «roman_forum_final3», хотя после третьего финала было еще семь версий. Дата создания — ноябрь 2014 года. Тогда «Резонанс Медиа» состоял из Романа, меня, бухгалтера на половину ставки и двух арендованных комнат. Роман готовился к отраслевому форуму, а я переписала его выступление после ужина, потому что исходный текст звучал как коммерческое предложение.

В свойствах файла стояло мое имя. В комментариях к первой версии Роман написал: «Сделай живее, как ты умеешь». В последней все комментарии были приняты, имя автора исчезло из видимой части документа, а файл лежал среди семейных фотографий и старых налоговых квитанций.

Я создала на личном диске папку «Авторский архив» и не стала переносить туда все найденное. Сначала сделала таблицу: название выступления, дата, источник задания, место создания, переписка, платеж, публичная запись. Напротив речи 2014 года в графе «заказчик» поставила вопросительный знак. Тогда у нас не было границы между просьбой мужа и задачей компании. Отсутствие границы не доказывало, что вся территория была моей.

За два дня я просмотрела сто восемьдесят четыре файла. Часть удалила еще раньше как дубли, часть сохранилась в облачной истории. В одном письме Роман просил меня «подправить начало перед завтраком». В другом менеджер компании присылал официальное техническое задание. За некоторые речи мне начисляли премию как креативному директору. За некоторые не платили отдельно, но это само по себе не делало их личным подарком мужу.

Юлия просила не строить выводы до разбора договоров. Я выполняла ее просьбу и отмечала только происхождение.

Труднее всего было с известными выступлениями. В сети Роман говорил мои фразы на конференции в Казани, на деловом завтраке, на церемонии премии. Люди цитировали удачные строки и подписывали его фамилией. Я могла показать черновик, историю правок и переписку к пяти текстам. Еще в девяти моя работа смешалась с редактурой команды так, что честно отделить собственный вклад без экспертизы было невозможно.

Раньше меня устраивало, что речь работает. Теперь требовалось выяснить, кому она принадлежит, и прошлое сопротивлялось не как тайна, а как плохо организованный архив.

На третий час я поймала себя на том, что в четвертый раз читаю одну и ту же заметку. В ней было всего два предложения. Я закрыла ноутбук, поставила воду и забыла включить чайник. Это обнаружилось, когда я налила в кружку холодную воду поверх заварки.

Я вылила ее и позвонила Дарье.

— Мне нужна работа.

— Наконец разумный запрос, — сказала она. — Завтра проба для музейного аудиогuida. Небольшая серия, восемь залов, запись под собственным именем. Гонорар средний. Пробу прислали.

— Почему ты не отправила раньше?

— Отправила ночью. Ты поставила отметку «прочитано».

Я нашла письмо. Оно действительно было открыто в четыре семнадцать утра.

— Еще варианты?

— Есть обращение к аудитории. Ты садишься в кадре и спокойно рассказываешь, что муж использовал тебя двенадцать лет, изменил и отнял работу. Сейчас это даст больше заказов, чем музей.

— Не даст. Даст просмотры.

— Иногда просмотры превращаются в заказы.

— А иногда в обязанность всю жизнь повторять самый болезненный день. Я пока не знаю границы прав по договорам.

— Зато знаешь про измену.

— Я не хочу продавать ее раньше собственной работы.

Дарья вздохнула.

— Тогда в одиннадцать проба. И не приходи с голосом человека, который всю ночь сортировал развод.

Домашнюю кабину я включила впервые после презентации. Проверила микрофон, записала тестовую фразу и тут же услышала, что стою слишком близко. В низких частотах появилось лишнее давление, согласные стали тяжелее. Я отодвинулась, повторила. На третьем дубле пропустила окончание слова.

Текст рассказывал о реставрации городской усадьбы. Никакой эмоциональной сложности: даты, фамилии архитекторов, короткое описание интерьеров. Я читала его так, словно перед записью получила плохие новости. Паузы получались правильными по длине и пустыми по смыслу.

Я остановила запись.

Семнадцать лет я могла войти к Роману с сырым абзацем и прочитать его вслух, пока он завязывал галстук. Он говорил: «Слишком умно» или «Здесь я потеряю зал». Мы спорили, сокращали, иногда смеялись. Теперь воспоминание мешало не потому, что было счастливым. Оно по-прежнему содержало настоящую работу. Я не могла объявить подделкой каждый совместный день только из-за того, чем закончился брак.

Я сделала перерыв, прошлась вокруг дома и вернулась через двадцать минут. Второй заход записала без попытки доказать заказчику, что я в порядке. Просто объяснила слушателю, где находилась парадная лестница и почему ее восстановили по старым чертежам.

На следующий день проба проходила в небольшой студии на территории музея. Редактор, Инна Мельникова, встретила меня без вопросов о Романе. Это было настолько необычно, что я сама едва не заговорила о нем.

— Нужна спокойная подача, но без экскурсионного величия, — сказала Инна. — Посетитель идет по залу, рядом другие люди. Мы не хотим его перекидывать.

— Какой возраст аудитории?

— Основной — тридцать пять плюс. Есть детская версия, ее пишет другой автор.

Текст лежал на экране с уже расставленными ударениями. Я уточнила произношение фамилии реставратора, попросила убрать из одного предложения второе придаточное и вошла в кабину.

Первый дубль начался хорошо. На середине я сказала «восемнадцатого» вместо «девятнадцатого». Редактор остановила запись.

— Давайте с начала абзаца.

Обычная просьба, обычная ошибка. Я почувствовала желание объяснить, что почти не спала, что за неделю потеряла семью и два заказа, что раньше не путала века. Никакое из этих объяснений не помогало аудиогиду.

— Да, конечно, — ответила я.

Со второго раза фраза получилась чисто. После пробы Инна попросила подождать в коридоре. Я сидела напротив афиши новой выставки и не проверяла сообщения. Через десять минут она предложила основной проект и назвала ставку. Она была на треть ниже моей обычной рекламы, но в договоре обещали указать исполнителя во всех цифровых версиях.

— Пришлите проект договора Дарье Наумовой, — сказала я. — И отдельно перечислите способы использования записи.

— У нас стандартная форма.

— Я прочитаю ее до подтверждения дат.

Инна чуть удивилась, но кивнула. Я не стала рассказывать, почему стандартной форме больше не доверяю.

В офисе Дарьи на Таганке три стола стояли в одной комнате, переговоры шли по очереди на кухне. Она развернула ко мне экран с таблицей заказов.

— Музей готов взять тебя на весь цикл, — сказала она. — Это хорошая новость. Плохая: банк окончательно ушел. Второй клиент перенес кампанию и вернул предоплату через «Резонанс», потому что договор оформлялся ими.

— Сколько остается в октябре?

Дарья назвала сумму. Сто двадцать семь тысяч до налогов, если музей подпишет договор и не сдвинет запись. Раньше это был бы слабый месяц. Теперь сумма определяла, сколько времени я смогу оплачивать юриста и не продавать долю по первой цене.

— Можно взять больше коротких заказов, — сказала она. — Но после презентации клиенты добавляют вопросы про синтез и права. У тебя должен быть готов ответ.

— Готовый ответ: каждая новая запись делается по отдельному договору со мной. Любая цифровая переработка требует отдельного письменного согласования.

— Второе пока не все клиенты захотят слышать.

— Тогда пусть слышат до записи.

Дарья откинулась на стуле.

— Ты понимаешь, что раньше сама соглашалась на широкие формулировки?

— Начинаю понимать объем.

— Я спрашиваю без обвинения. Если Роман это выложит, нам надо знать раньше него.

Я показала ей таблицу договоров. Она быстро просмотрела названия и остановилась на курсе.

— «Использование материалов в любых форматах, связанных с продвижением проекта». Это что?

— Пока не знаю. Юлия изучает полный комплект.

— Тогда эмоциональное обращение действительно подождет.

Она сказала это без улыбки и открыла новую вкладку. В ней были предложения от двух образовательных площадок, небольшого издательства и сети клиник. Последнюю я сразу закрыла: формулировки обещали пациентам результат, который нельзя было гарантировать.

— Ты даже не спросишь гонорар? — сказала Дарья.

— Нет.

— Хорошо. Значит, пока ты помнишь, кем была до Романа.

— Я познакомилась с ним в двадцать пять.

— Вот именно. Уже умела говорить «нет», просто потом стала использовать его экономно.

Дарья развернула экран с моим старым портфолио. На первой странице стояли крупные бренды, а почти все ссылки вели на сайт «Резонанс Медиа». Если компания удалит карточки или перепишет описание, клиент увидит список без подтверждений.

— Собираем отдельную страницу, — сказала она. — Только работы, права на которые можем показать. Где договор на аудиогид для Третьяковского района?

— Проект закрыли шесть лет назад. Договор должен быть в коробке.

— Запись есть на сайте заказчика. Нужен документ и разрешение использовать фрагмент.

Мы прошли по списку. Из тридцати двух известных работ сразу подходили девять. В семи заказчиком была компания Романа. В пяти мое имя нигде не указывалось, хотя оплату я получала напрямую. По остальным требовалось запросить согласие на демонстрационный отрывок.

— Раньше я отправляла ссылку на общий сайт, — сказала я.

— Раньше твой бренд сидел внутри их домена. Теперь каждый пример придется вернуть себе законно.

Я написала трем бывшим заказчикам. Не просила подтвердить, что всегда была настоящим автором за Романом. Попросила разрешить показать по тридцать секунд конкретных записей и указать роль. Двое ответили в тот же день. Первый согласился без условий, второй попросил не использовать старый ролик из-за смены фирменного стиля. Я вычеркнула его.

Третья заказчица, руководитель издательского проекта, позвонила сама.

— Лидия, я думала, запись принадлежит «Резонансу». Договор был с ними.

— Тогда не будем ставить ее в мое портфолио до проверки. Скажите только: текст я редактировала или компания прислала готовый?

— Вы переписали его почти целиком. Но за это мы платили компании.

— Понимаю. Я отмечу как корпоративную работу без претензии на отдельное право.

После звонка Дарья посмотрела на меня так, будто ждала возражения.

— Что?

— Месяц назад ты бы сказала, что все равно имеешь право показать результат.

— Месяц назад я не собирала отдельное портфолио.

— И считала общую витрину своей.

— Да. Теперь витрина тоже требует договора.

К вечеру у меня было девять подтвержденных работ, два запроса и список из двадцати одного спорного проекта. Портфолио стало короче, зато каждую строку можно было отправить клиенту без объяснения семейной истории.

Вечером пришло письмо от системного администратора «Резонанс Медиа». Мой доступ к корпоративной почте и рабочему хранилищу прекращался в связи с завершением полномочий креативного директора. Просили вернуть пропуск и технику компании до двенадцатого сентября. Решения участников или приказа об увольнении в письме не было.

Я попробовала открыть почту. Пароль больше не подходил.

Позвонила Юлии.

— Доступ закрыли. Я ничего не успела скачать, кроме личных документов и переписки по полномочиям.

— Хорошо, что не скачивали архив целиком. Перешлите уведомление. Вы заявление об увольнении подписывали?

— Нет.

— Приказ видели?

— Нет.

— Тогда запросим основания прекращения доступа и документы по должности. Долю это не отменяет. Домашняя техника чья?

— Часть моя, часть компании. Я составила список.

— До выяснения ничего не продавайте и не передавайте без акта.

Юлия в тот же день потребовала оформить перечень и приемку оборудования. После переписки компания согласилась перенести передачу на четырнадцатое октября; до этого корпоративная техника должна была оставаться выключенной и упакованной отдельно.

После разговора я открыла личный архив и продолжила опись. На этот раз не пыталась успеть все за ночь. Выбрала пять выступлений, для которых сохранилась полная история версий, и отправила Юлии только перечень с датами. В трех случаях задания пришли на личную почту от Романа. В двух — от менеджеров компании. Это не делало первые тексты автоматически моими, а вторые автоматически чужими, но хотя бы возвращало каждому файлу происхождение.

На экране появилось письмо от Романа. Тема: «Дата подачи заявления».

Он забронировал время на четырнадцатое сентября и просил подтвердить. Ниже предлагал заранее согласовать «нормальную публичную формулировку», чтобы не вредить ни компании, ни моей дальнейшей карьере.

Я прочитала письмо вслух. В устной речи слово «нормальную» сразу выдало то, что на экране могло показаться заботой. Нормальной Роман называл версию, которой управлял сам.

Я подтвердила только дату и переслала письмо Юлии.

ГЛАВА 5. Обоюдное заявление

К четырнадцатому сентября мы с Романом научились жить в одной квартире, не встречаясь.

Он приезжал поздно, забирал одежду и иногда ночевал в кабинете. Я закрывала дверь домашней студии и выходила утром раньше. Продукты в холодильнике разделились без разговора: его готовая еда стояла на верхней полке, мои йогурты и сыр — на средней. Общей оставалась только бутылка молока, но даже ее мы покупали по очереди, не договариваясь.

В назначенный день Роман ждал меня у входа в центр государственных услуг. На нем было темное пальто, хотя утро выдалось теплым. Когда-то я выбирала ему одежду для публичных выступлений и следила, чтобы мелкий рисунок не давал рябь в кадре. Теперь заметила только, что петличка ему сегодня не понадобится.

— Ты одна? — спросил он.

— Для подачи заявления адвокат не нужен.

— Значит, ты все-таки умеешь разделять вопросы.

— Этому я научилась на прошлой неделе.

Роман пропустил меня к стойке электронной очереди. У нас было десять минут до записи, и он предложил сесть в свободной части зала. Между нами устроилась пластиковая папка, которую я узнала сразу.

— Я просила направлять имущественные предложения Юлии.

— Это обновленная версия. Цена доли выше. В соглашении по голосу добавили запрещенные категории и право предварительного просмотра политических материалов.

— Я не буду обсуждать это здесь.

— Здесь мы подписываем развод. Логично закрыть остальное одновременно.

— Логично для человека, которому нужна моя подпись на трех других документах.

Он понизил голос, хотя люди рядом не обращали на нас внимания.

— Лида, через месяц мы официально перестанем быть супругами. Компания не может держать продукт в неопределенности до тех пор, пока ты проживешь все стадии обиды.

— Назови срок, который нужен компании. Не называй им мое состояние.

— До запуска пять недель. Инвестор должен видеть оформленные права.

— Тогда покажи ему, что права не оформлены.

— Они оформлены прежними договорами. Новое соглашение снимает возможность разных толкований и дает тебе дополнительное вознаграждение.

— Вознаграждение по-прежнему спрятано в цене доли.

— Общая сумма имеет значение, а не названия строк.

Я посмотрела на табло. До нашего номера оставалось три человека.

Еще неделю назад часть меня ждала от Романа другого разговора. Не объяснения про любовь и не просьбы остаться. Я хотела услышать простое признание порядка действий: он сначала использовал мою работу, потом подготовил развод, потом предложил деньги за согласие. Возможно, он считал этот порядок ошибкой в коммуникации. Для меня он был решением, принятым без меня.

— Убери папку, — сказала я. — Сегодня я подпишу только заявление о расторжении брака.

— Потом цена может измениться.

— Тогда меняется цена. Мое решение — нет.

Наш номер появился на табло.

Сотрудница проверила паспорта, свидетельство о браке и данные заявления. Спросила, есть ли у нас общие несовершеннолетние дети и взаимно ли согласие. Мы оба ответили «да»

на второй вопрос и «нет» на первый. Роман говорил ровно. Я тоже. Для государственного действия нашей истории хватило нескольких сведений и двух подписей.

— Дата регистрации — четырнадцатое октября, — сказала сотрудница. — При неявке обоих заявление не исполняется. Если придет один, при соблюдении порядка регистрация возможна. Информация указана в уведомлении.

Она объяснила детали, выдала документы и назвала следующее окно. Мы встали.

В коридоре Роман остановился у автомата с кофе.

— Поедем вместе? — спросил он.

— Нет.

— Нам все равно надо согласовать сообщение.

— Направь текст Юлии.

— Пресс-служба опубликует короткую формулировку: решение принято совместно, мы сохраняем уважение и рабочие отношения.

— Рабочих отношений сейчас нет. Ты отключил мне доступ и не оформил прекращение полномочий.

— Кадры готовят документы. Не цепляйся за процедуру ради публичной ссоры.

— Процедура нужна как раз тогда, когда уважение остается только в пресс-релизе.

Он взял стакан, сделал глоток и поморщился: кофе был слишком горячим.

— Кристину обсуждать не будем, — сказал он.

— Я не собиралась.

— Хорошо. Это взрослый подход.

— Не присваивай себе мой выбор молчать о ней.

Роман поставил стакан на узкую полку.

— Ты сейчас воспринимаешь любое слово как попытку управления.

— Потому что ты приносишь лицензию на мой голос к подаче заявления о разводе.

Я вышла на улицу. У пешеходного перехода он догнал меня.

— Компания сообщит о развитии продукта в ближайшие дни. Я не могу остановить коммуникацию из-за того, что ты отказалась подписывать уточнение.

— Если вы напишете о моем согласии, я отвечу.

— Тогда отвечай фактами.

— Именно это я и сделаю.

Такси я вызвала к другому входу. Пока машина ехала, Дарья прислала проект договора музея. Я открыла его в телефоне и увидела отдельный пункт об использовании записи для сайта, приложения и устройств в залах. Про синтетическую переработку не было ни слова. Я отправила документ Юлии на проверку.

Новость о разводе появилась через два часа.

Пресс-служба «Резонанс Медиа» опубликовала фотографию с прошлогодней премии, где мы с Романом стояли рядом. Текст начинался корректно: после семнадцати лет брака мы приняли взаимное решение расстаться и просили уважать личную жизнь. Дальше сообщалось, что профессиональное наследие Лидии Корсаковой продолжит развиваться в новых технологических форматах «при ее поддержке». Компания обещала представить цифровое решение партнерам осенью.

Я перечитала последний абзац и позвонила Юлии.

— Это согласование, о котором он предупреждал?

— Мне ничего не присылали, — ответила она. — Сделайте снимок страницы, пришлите ссылку. Не отвечайте, пока я не прочитаю полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.